

Д.Л. КОНСТАНТИНОВСКИЙ

**ОТ «ИНСТИНКТА ГОЛОДА»
К «ИНСТИНКТУ ПОЗНАНИЯ».
МОЛОДОЙ РАБОЧИЙ: ПОРТРЕТ НА ФОНЕ**

В статье показано, как в условиях трансформирующегося общества система ценностей молодых рабочих модифицируется, в то же время сохраняя многое из прежних черт. Преимущественно «внешние» факторы заставляют молодых людей принимать вынужденные решения и формируют их жизненные траектории. Однако в ходе социализации молодые рабочие стремятся самостоятельно выстраивать свою биографию в соответствии с собственной системой ценностей. Размышления автора об изменении системы ценностей молодых рабочих, об интересе социологии и масс-медиа к проблемам труда, о свойстве социальных наук влиять на объект исследования и выборочном методе, обращении художественной литературы к социальным проблемам — основаны на результатах количественного (опрошены 1000 человек в 14 городах России) и качественного (62 интервью на промышленных предприятиях) исследований молодых рабочих.

Ключевые слова: молодежь, трансформирующееся общество, система ценностей, рабочие, жизненная траектория, социализация, самоопределение.

«Я не хочу быть таким же серым человеком, [как те,] которых я вижу в транспорте <...> и на улице которых я вижу. Это люди, которые недовольны своей работой, ходят на работу, потому что надо. Они встают слишком рано потому, что надо, они многое делают потому, что надо, а не потому, что хотят. Я тоже когда-то был человеком, который ничего не понимал и вставал на работу потому, что так надо. А теперь я понял, что это не столько кому-то

Константиновский Давид Львович — доктор социологических наук, руководитель Центра образования, науки и культуры Института социологии РАН. Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5. Телефон: (499) 128–69–01.
Электронная почта: scan21@mail.ru

надо, а это мне надо, это моя жизнь, и это мне надо свою жизнь построить так, чтобы не быть никому обязанным и чтобы дети на меня смотрели и родственники как на достойного человека, а не как на серенького такого...»

Это высказывание возникло в ходе интервью, проведённого во время полевого этапа исследовательского проекта «Рабочая молодежь сегодня: работа, учеба и социальное самочувствие»¹, который является продолжением и развитием ранее реализованного проекта «Рабочая молодежь в условиях инновационного развития российского общества: образовательные и профессиональные траектории»².

Отчасти — и по сути своей — эти проекты (можно надеяться) связаны с исследованиями, проведенными ранее.

При том, что в советский период тематика рабочего класса была конъюнктурной, ей повезло на социологические исследования, которые сохраняют свою ценность и сегодня; их читают, используют в исследовательских проектах и преподавании, они воспринимаются как выполненные на уровне не менее высоком, чем нынешние (или — более, чем нередко нынешние). В данной статье вовсе не предполагается дать обзор публикаций того времени; отметим лишь важнейшее, что, бесспорно, стало знаковым и в этой тематике, и в советской и российской социологии в целом. Это, конечно и прежде всего,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Рабочая молодежь сегодня: работа, учеба и социальное самочувствие», проект № 10-03-00044а. Осуществлено в 2010–2011 гг. научными сотрудниками Отдела социологии образования Института социологии РАН Г.А. Чередниченко, Е.Д. Вознесенской при участии Е.С. Поповой. Руководитель проекта — автор статьи. Эмпирическая база — 62 интервью на промышленных предприятиях Казани, Ростова, Смоленска, Ярославля.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке АНО «Институт общественного проектирования», проект № 81/к. Осуществлено в 2009 году научными сотрудниками Отдела социологии образования Института социологии РАН Г.А. Чередниченко, Е.Д. Вознесенской, Ф.А. Хохлушкиной. Руководитель проекта — автор статьи. Эмпирическая база — материалы опроса по анкете, разработанной сотрудниками отдела, в 13 регионах РФ (Республика Башкортостан; Республика Татарстан; Красноярский край; Воронежская, Новосибирская, Орловская, Псковская, Ростовская, Свердловская, Смоленская, Ульяновская, Ярославская области; Санкт-Петербург) на промышленных предприятиях высокотехнологичных и обрабатывающих производств. Всего опрошены по специально сформированной выборке 1000 молодых рабочих. Опрос проводился ООО «Центр социального прогнозирования и маркетинга» под руководством Ф.Э. Шереги.

«Человек и его работа», капитальный труд, опубликованный в 1967 году и изданный в 2003-м под названием «Человек и его работа в СССР и после» [4] с добавлением неопубликованных тогда и более поздних (2001 года) материалов.

Идеологические наслоения советского времени, несомненно чувствующиеся в авторской интерпретации данных, вовсе не мешают восприятию материалов. С симпатией воспринимается раздел, озаглавленный «Горестный урок», где В.А. Ядов пишет: «Читая написанное в те годы, автор комментария сознает, насколько сильным было идеологическое ослепление...». И далее: «Надо признать, что далеко не все, что тогда было написано, диктовалось самоцензурой, оно во многом было искренним: так конструировалась в сознании автора социальная реальность». В нашем проекте мы не раз обращаемся к содержательному анализу, который дал опыт исследования, читатель увидит это и в данной статье; здесь же отметим важный итог осмысления прошлого, напомнив, чем заканчивается цитируемый раздел книги: «И в этом урок социологу, который, как завещал Макс Вебер, обязан различать научный и ценностный подходы в своем творчестве. Увы, тогда урок не был воспринят.

Но хорошо ли мы освоили его сегодня?» [4, с. 427–428].

Курсив — авторский.

В постсоветские годы, когда рабочая тематика враз перестала быть конъюнктурной, ей продолжало везти: на ней (и близкой к ней) сосредоточился интерес исследователей, которых привлекала именно эта тема, но не преимущества и приобретения внеаучного характера, которые может предоставить тема модная или выигрышная в отношениях с властью. Об обновленном издании книги «Человек и его работа» сказано выше. Опубликованы работы В.Д. Патрушева, А.Л. Темницкого, И.М. Поповой, Г.П. Бессокирной, В.Е. Гимпельсона, В.С. Магуна, Л.А. Хахулиной; исследования, начатые ранее, продолжают Л.А. Гордон и Э.В. Клопов... Необходимо повторить: здесь не предпринимается попытка дать обзор публикаций. Хотелось лишь показать, что рабочая проблематика всегда занимала достойное место в трудах (следует подчеркнуть) достойных же отечественных социологов.

Что касается зарубежных исследований, то (опять-таки не впадая в соблазны обзора) необходимо отметить, прежде всего, Ф. Херцберга, сотрудничавшего с В.А. Ядовым в 1960-х. В 1970-е гг. Э. Хьюз опубликовал свою работу, популярную до сего времени у российских социологов. Для нас особенно важно его положение о том, что одним из основных критериев, по которому человек оценивает сам себя и по которому его оценивают другие, — это работа; исследования рабочих промышленности показало, что даже в

наименее престижных профессиях люди стремятся придать своей работе наибольшую ценность, поэтому установить значимость той или иной профессии в обществе возможно благодаря пониманию взглядов ее представителей о себе и своей деятельности [11, с. 338–340]. П. Уиллис [12] изучал наследование детьми рабочих профессий родителей, эти материалы также очень ценны для российских социологов [8].

Справедливости ради следует отметить, что перечни значимых публикаций (отечественных и зарубежных), встречающиеся в (опять-таки) значимых работах, включают десятки названий и все же остаются неполными. Рабочая тематика продолжает быть актуальной и, думается, на обозримое время останется таковой в науке по причинам экономического и социального характера.

Этого нельзя сказать о масс-медиа, да и про общественное мнение. До известных перемен в нашей стране рабочий класс был гегемоном, оплотом, основой и т. п., о нем слагали стихи и песни, ставили спектакли и снимали кинофильмы. После перемен стали забывать не только о рабочем классе, но вообще о рабочих (за исключением сообщений в прессе о некоторых акциях протеста). Замечание относительно падения престижа рабочих профессий в книге «Человек и его работа в СССР и после» сопровождается заключением: «На языке социологии рабочие как социальный слой претерпели групповую нисходящую мобильность». [4, с. 443]. Преобладающее место в общественном сознании и масс-медиа заняли менеджер, трейдер, юрист, визажист и прочие ставшие популярными занятия. Анализ этого не является целью данной статьи; стоит отметить лишь, что здесь сказались изменения как в структуре занятости, так и в ценностях населения и престиже профессий, в свою очередь явившиеся следствием политических, экономических, социальных перемен в стране. А что же рабочие? Конечно, нужно признать, состояние производства в нашей стране во многих отношениях оставляет желать лучшего; но оно существует, с разной степенью развитости и успешности на разных предприятиях, и там трудятся, как бы скрытые от глаз широкой публики (а также многих исследователей), миллионы рабочих. Среди них много молодёжи, пришедшей в цеха со своей мотивацией, со своими жизненными целями. Кто они такие, эти незнакомцы, чем живут, чего хотят от жизни, каким видят мир? Инициация такого проекта, как наш, в прежние времена была бы скорее конъюнктурной, а сегодня может кому-то показаться даже странным такой выбор объекта исследования; тем интереснее, думается, будут его результаты, которые будут опубликованы в различных изданиях.

Прочитав все 62 интервью, я начал работать с ними; но вскоре понял, что думаю о монологе, часть которого воспроизведена в начале статьи. Высказывание, приведенное выше, было сделано молодым человеком 23 лет (Илья, 8)³. Он начал свой монолог совсем не потому, что нечто подобное было предусмотрено процедурой интервьюирования. Собственно беседа была уже закончена, однако интервьюер (Г.А. Чередниченко) увидела, что респондент хочет еще что-то сообщить, не может остановиться, его «распирает» желание высказаться, и предложила ему говорить.

Такого рода эффект взаимодействия исследовательской процедуры и респондента известен, он знаком и нашему коллективу по собственному опыту. Особенно ярко он проявляется, когда социологу случается обращаться к группам населения, не избалованным вниманием (как исследователей, так и общества). Когда мы впервые приступили к изучению социальных проблем учащихся учреждений начального профессионального образования, скептики говорили нам, что едва ли мы дождемся адекватного ответа от этого специфического контингента. Однако мы были вознаграждены за то, что старались выразить свой исследовательский интерес подобающим образом. Это было количественное исследование; анкеты были не только старательно заполнены юными респондентами, но еще и на последнем листе, после нашего «Спасибо за участие в исследовании», было, случалось, написано: «Спасибо вам за то, что интересуетесь нами».

Понятно, что результатом такого взаимодействия может стать искажение того, что нам хотелось бы зафиксировать (некоторое подобие наблюдается, пожалуй, в эффекте самоликвидации прогноза; вообще влияние исследований и их результатов на объект — свойство социальных наук). Респондента не только просят рассказать о чем-либо, но и вольно или невольно подталкивают к осмыслению и переосмыслению тех фактов, в связи с которыми задаются вопросы (неважно, количественное это исследование или качественное). Вероятность такого искажения следует иметь в виду. Так же, необходимо добавить, как и возможности воздействия на умы, а в определенных случаях — манипулирования людьми с помощью псевдоисследовательского инструментария.

Обдумывая сказанное Ильей, я вспомнил, казалось бы, уже забытое. Некоторое время тому назад я опрометчиво принял приглашение одного из телевизионных каналов принять участие в передаче, посвященной современной российской молодежи. Относительно

³ Цифрой после имени респондента обозначен условный номер интервью.

рискованности согласия на участие можно было бы догадаться, но я понадеялся на благополучный исход этого предприятия. Участие в передаче — выражение условное, потому что на самом деле, конечно же, речь шла о записи, а не о прямом эфире. Итак, эксперты, в числе их ваш покорный слуга, публика и эффектная ведущая. Дискуссия (если можно так назвать происходившее) активно направлялась ведущей в одно русло: молодежь нынче не активна, индифферентна, желает только наслаждаться жизнью. Социальное безразличие и жажда удовольствий подчеркивались как главная черта. В доказательство этого, чтобы окончательно убедить всех, были продемонстрированы кадры специально взятых на улицах интервью. В нескольких эпизодах появились юноши и девушки, греющиеся на солнышке. Они с ленцой отвечали в кадр, что им бы только дискотеки, автомобили и путешествия.

Убежден, что всякое утверждение, в котором используются такие слова, как «население», «мужчины» или «женщины», а также «молодежь», должно вызывать у здравомыслящего человека отторжение. Потому что, — пожалуйста, прочтите и следующее за этим предложение — нет населения, мужчин, женщин и молодежи. Точнее (вот оно, следующее предложение) нет ничего такого целого, что могло бы называться населением, мужчинами и т. д. Следует говорить, в случае необходимости обобщений (и в смысле социологическом), о различных группах, составляющих как население, так и молодежь.

Вернемся к телепередаче, вернее, к записи. Автор этой статьи пытался взывать к здравому смыслу участников. Говорил, что молодежь разная. Что для интервью на улицах выбраны молодые люди, которые греются на солнышке, и они, конечно, хотят продолжать греться на солнышке. Что интервьюер мог бы поискать и других молодых людей... в частности, таких, которые в то время, как эти греются на солнышке... и вообще молодежь надо искать не только на солнышке, но и в других местах... Ведущая попросту обрывала меня — это никак не укладывалось в концепцию ее передачи. К сожалению, и тот из экспертов, что был социологом (знакомым мне по публикациям и уважаемым мной), поддакивал ведущей. Увы (на мой взгляд).

Нет, я не считаю, что журналисты наносят вред общественному сознанию. Не считаю их врагами истины и здравого смысла. Журналисты, так же, как население или молодежь, — разные. К тому же мы наблюдаем здесь явление вполне обычное, то, что может быть названо ошибкой подтверждения [9]: отсутствует объективный или аналитический подход, зато идет автоматический поиск фактов, соответствующих предвзятому мнению (так находят и подходящие цитаты у

авторитетов — прежде искали их у классиков марксизма-ленинизма, теперь у Р. Мертона и Т. Парсонса).

А что вышло в результате в эфир, я не видел. Я не смотрю телевизор.

Высказывание Ильи в заключение интервью № 8 заставило меня также вспомнить другие слова, написанные еще в первой половине прошлого века (если точно, то в 1926 году) человеком куда более известным, чем Илья (даже после возможной публикации этой статьи — шутка). Теперь, в новой стране, в которой мы однажды, по выражению Бориса Чичибабина, проснулись, отношение к А.М. Горькому иное, чем прежде (публика предпочитает радикальные изменения во взглядах — в отличие от деятельности для перемен в реальности); но, уверен, отношение к «Жизни Клим Самгина» выдержит испытания и временем, и переменами. Так вот, занятый мыслями об этом романе («Это одна из тем моего романа, над коим сижу» [6, с. 135]), Горький в письме (из Неаполя) к С.Т. Григорьеву выразил таким образом, что люди весьма скоро «обязаны и принуждены будут взглянуть в свой внутренний мир, задуматься — еще раз — о цели и смысле бытия... Вообразите, что будет, если десятки и сотни тысяч людей воспылают страстью догадаться не о том, как удобнее жить, а о том — зачем жить» [6, с. 135].

Получилось так, что молодой рабочий по имени Илья заставил меня думать о рисках нашей работы. Уязвимость эмпирических наук — прежде всего в том, что мы пользуемся ограниченной информацией: только результатами наблюдений за доступным наблюдению, и даже не всеми результатами, а лишь поддающимися измерению. Едва ли кто-то возразит против того, что во многих случаях это не вся информация, которая нужна была бы для приближения к выводам.

В дополнение к этому, обращение с полученной в поле информацией также оставляет желать лучшего (здесь не имеется в виду сервильная социология, интерпретирующая результаты для чиновников по принципу «чего изволите»). Применяемые обычно в социологии методы обращения с данными заимствованы из таких областей знания, где они эффективны и дают, как принято считать, верные результаты; но это вовсе не означает, что в изучении общества дело будет обстоять аналогичным образом. Результаты нашего проекта вынуждают еще раз задуматься о целесообразности и справедливости требований, которые предъявляет нам выборочный метод (сейчас в меня полетят камни; вот уже полетели). Основывается он на предположении о существовании нормального распределения, на так называемой гауссовой кривой. То есть принимается, что изучаемые

явления существуют (в жизни, в мире) и должны наблюдаться (исследователями) с частотой, соответствующей этой норме; при таких условиях выборка, построенная по правилам, будет отражать действительность правильно. И где, скажите пожалуйста, вы видели в обществе нормальное (в смысле статистическом) распределение? Следующий вопрос: при идеально, по всем общепринятым правилам, составленной выборке, попал бы в нее Илья? Не оказался бы в так называемом «толстом хвосте»? Не получилось бы так, что ревнители чистоты выборочного метода были бы удовлетворены, а необходимое оказалось упущенным, ускользнувшим от внимания? (Да, хвост бывает главнее туловища; в нашем случае, как видно, он «виляет собакой»). Вопросы чрезвычайно важные, потому что добавление, сделанное Ильей в заключение интервью, представляется мне одним из существенных, а может, и существеннейшим результатом исследования. (Все это не означает, что не должно быть никаких правил для формирования обследуемой совокупности. Спешу успокоить читателя: конечно же, в количественных исследованиях пользуюсь выборочным методом.)

Что говорили другие рабочие, сверстники Ильи? Не будем касаться множества тем, затронутых в гайде интервью; обо всем, как упомянуто выше, речь будет в других публикациях по результатам проекта. Остановимся лишь на том, что может приблизить к пониманию, — одинок ли Илья, единственный ли он рассуждает так, как это проявилось в интервью, или есть высказывания близкие, родственные?

Качественное исследование охватило несколько десятков молодых рабочих, но все же более полусотни, весьма случайным (пусть не в том смысле, в котором это предписывается правилами выборочного метода) образом оказавшихся в поле зрения интервьюеров в разных городах и на очень разных (намеренно отобранных разными) предприятиях. Так что Илья не должен быть единственным моим персонажем.

Молодых рабочих в ходе интервью просили оценить, является ли ситуация, в которой они (лично) сегодня находятся, результатом неких внешних, не зависящих от них, обстоятельств или же их собственного выбора. Ретроспекция была связана, конечно, с трудностями для респондентов и понятными рисками для исследователей; можно было ожидать соответствующую этому неизбежную приблизительность в формулировках; однако ответы получены вполне определенные, и интерпретация их возможна.

Спектр ответов — между двумя крайними полюсами. На одном полюсе — осознание того, что предыдущая жизненная траектория (в особенности трудовая) складывалась вне зависимости от собственной воли, своих устремлений, а решения принимались вынужденно или случайно: «Внешних, не зависящих» (Владимир, 41). «В принципе, получилось всё спонтанно: предложили — и я пошел, не предложили — и я бы сюда не попал. [Интервьюер: “А папа предложил?”] Да» (Александр, 36). Здесь полное принятие того, что биографию формируют другие, независимо от того, была ли она спланирована как-то иначе, либо перспектива планирования, короткая или длинная, отсутствовала вовсе.

В середине спектра — резонное признание того, что жизненный путь складывается под воздействием и внешних обстоятельств, и личных решений: «Может, и так, и так» (Алексей, 39); «Думаю, что и то, и другое. Поступило [предложение] оттуда, я получил, и сделал, как сейчас есть. Сложились и обстоятельства, и то, что я смог сам лично сделать» (Андрей, 24).

На другом полюсе — ответы тех, кто (по крайней мере, по собственному убеждению) сам выстраивает свою траекторию и на производстве, и в целом в жизни. Вот характерный пример: «Это мои личные решения» (Максим, 55). Кстати, респонденты относят это и к своим ошибкам (или к тому, что считают своими ошибками).

Конечно, и личный выбор в значительной мере определяется внешними обстоятельствами; в частности, таковы решения большинства наших респондентов пойти на производство (подробнее об этом чуть ниже). Хорошо такую зависимость от внешнего мира выразил Ильдар (32), который ответил: «Я считаю, что это в совокупности», перед тем сказав: «Я всю жизнь все решаю сам». И вот еще: «Нет, это результат моих личных усилий. Я с пятнадцати лет живу один, по-существу, на меня никто не влияет и не воздействует. [Интервьюер: “Но ведь то, что вы с пятнадцати лет один, вам пришлось уехать (из села) — это ли не внешние обстоятельства, которые повлияли на ваш выбор?”] А может быть, наоборот, это заставило меня приложить какие-то усилия, они могли инициировать мою активность» (Алексей, 28).

Продолжим, рассматривая представления об успехе в жизни. Молодым рабочим в ходе интервью задавали вопросы: что такое успех в жизни, из чего он складывается? что нужно сделать, чтобы его достичь?

Сначала придется рассмотреть собственно мнения об успехе.

Вопрос оказался нелегким: «Трудно сказать, долго думать придется» (Алексей, 39); а вот в некотором смысле идеальный ответ:

«Для каждого успех — это что-то свое... Кто-то хочет миллионов, кто-то хочет посадить дерево» (Александр, 2).

Понимание успеха у разных респондентов и в самом деле весьма различно. Есть ответ, показательно соответствующий тому, что очень успешно насаждается средствами массовой информации (нет, не всеми): «Дача на Карибах, “Бентли” в гараже» (Александр, 7). Во многих ответах, действительно серьезных (впрочем, почему я решил, что предыдущий ответ — шутка?), на первых местах — благополучие семьи, материальное благосостояние: «Если семья довольна, сыта, если оба родителя получают достойный заработок, — наверное, это и есть успех» (Борис, 60); «Могу сказать, когда я счастливый, — когда вижу своего ребенка. Для меня это счастье. [Интервьюер: “Может быть, и успех связан с этим?”] Может быть, работать хорошо, чтобы обеспечить своего ребенка» (Алексей, 39); «Когда нормально работаешь, зарплата нормальная и семья есть» (Раис, 48); «Чтобы всё было нормально в семье, на работе. Спокойствие и стабильность» (Ильнар, 50).

Такие ответы не были неожиданными. Вот результат исследования советского времени: «Во всех опросах мотив заработка у молодых рабочих оказывался ведущим, существенно опережающим все остальные» [4, с. 459]. В последующем значимость этого мотива не уменьшилась: «...Сравнительное международное исследование 1990–1991 гг. также показало, что в России, как и в других странах, ценность высокого заработка по частоте упоминаний опережает все остальные ценности, связанные с работой» [3, с. 135]. Возможно, роль мотивов, на которые указывали наши респонденты, возросла в связи с переменами в стране: «На структуру ценностей труда рабочих определенное влияние оказала меняющаяся социально-экономическая ситуация в стране. <...> Можно утверждать, что выдвижение на первый план семьи и здоровья, а также материального благополучия, — свидетельство девальвации советских идеологем, представлений о самоценности труда и оценки последнего в контексте общественных интересов» [1, с. 439].

Конечно, ответы респондентов дают возможность лишь выдвигать предположения относительно того, что ими действительно движет (к тому же, они сами могут не вполне это осознавать; надеюсь, это понятно и никого не обижает). Вполне справедливым представляется следующее пояснение: «...возможно, что мы являемся свидетелями некоторой инверсии: в прошлые времена за содержанием труда — фаворитом среди ценностей — “в тени” (находясь на неясных, второстепенных позициях) “скрывалась” зарплата, существенным образом, однако, определявшая материальную заинтересованность. В

настоящее время, наоборот, — за материальной обеспеченностью — этим идиолом не просто рыночной экономики, но общества, ставшего рыночным, — в тени находится интерес к содержанию самой работы, а также другие стороны трудовой деятельности, соответствующие реальной заинтересованности работника в труде» [1, с. 441].

Когда же началось возрастание роли такой мотивации? «Важным обстоятельством является признание того, что эта “перестройка” ценностных представлений началась задолго до собственно перестроечного периода» [1, с. 439]. Этот вывод, основанный на данных ряда исследований [4, 2, 7], находит подтверждение и в результатах изучения динамики привлекательности профессий для молодежи, да и в целом перемен в ее социальном поведении в сферах образования и труда. Перемены эти «происходили одновременно с другими, <...> которые могут быть охарактеризованы как изменение общей ситуации в стране. Так называемый застойный период в значительной мере воспринял сложившиеся ранее отношения между человеком и государством. Вместе с тем, в результате происходившего некоторого реформирования этих отношений <...> все более важную роль стал играть, как тогда выражались, фактор материальной заинтересованности; иными словами, власти приходилось все в большей мере с этим фактором считаться (прежде гражданам предлагалось довольствоваться шестым чувством, которое дала человеку советская власть — глубоким моральным удовлетворением). <...> Изменение ситуации было связано, в частности, с трансформацией хозяйственного механизма (точнее, попыткой изменить его). <...> У людей возникли некоторые шансы для проявления самостоятельности, какая-то свобода выбора и действий, перспективы освобождения от прежнего (внеэкономического) принуждения к труду» [5, с. 42].

Итак, эти мотивации не являются отличительной чертой ни молодых рабочих, ни современных рабочих вообще. «Несомненно, первой по значимости трудовой ценностью у всех рабочих независимо от возраста и региональной принадлежности предприятия является ценность заработка. Несмотря на <...> незначительную возможность ее достижения, заработная плата по-прежнему остается лидером в ценностных предпочтениях рабочих. Ведущая роль заработка является неотъемлемым атрибутом мотивации труда абсолютного большинства российских рабочих уже на протяжении последних 30 лет. Преобладающая роль мотива заработка постоянно отмечается российскими учеными, а за фактологическую точку отсчета берутся результаты повторного исследования “Человек и его работа”» [10, с. 379].

Распространенность сюжетов, связанных с материальной обеспеченностью, стабильностью, благополучием семьи, — понятна (у Ильи то же: «чтобы не быть никому обязанным»). Респонденты наши —

зачастую выходцы из малоресурсных семей, да и молодые рабочие в целом, как показало наше количественное исследование, предшествовавшее качественному, — часто дети родителей, имеющих малый доход, с невысоким уровнем образования, нередко из неполных и неблагополучных семей, из пригородов или сельской местности.

Так, только половина (точнее, 46,4%) молодых рабочих в нашем количественном исследовании указали, что в семье их родителей, когда респонденты избрали профессию рабочего, доходы позволяли нормально питаться, одеваться и даже покупать некоторые товары длительного пользования (недорогую бытовую, аудио-, видеотехнику); на более дорогие товары приходилось копить. Более чем в трети семей (36,6%) денег хватало лишь на самое необходимое (скромные питание, одежда и обувь; оплата коммунальных услуг, поддержание жилища). А у 5,9% денег не хватало даже на самое необходимое (приходилось ограничивать себя в питании, в покупке одежды и обуви). К тому же, становление интервьюируемых юношей и девушек пришлось на годы, когда ситуация на рынке труда в регионах не была благоприятной, в особенности для молодежи, да и в сфере образования также оставляла желать лучшего. А ближе к моменту, когда проводились интервью, и вовсе начался кризис, и уж его-то отголоски — практически в каждой из рассказанных исследователям биографий.

Отсюда в интервью и ссылка на обстоятельства, осознание молодыми людьми вынужденности выбора жизненного пути. Собственно, здесь то же, что было и раньше, у предыдущих поколений, у тех, кто для наших респондентов — старшие товарищи по цеху: «Какими же установками руководствовались молодые люди при выборе специальности? <...> Среди ответов первое место по всей выборочной совокупности заняли “обстоятельства” — причины, мешающие сделать иной выбор. <...> В сущности, формулировка “обстоятельства” означает, что рабочий не выбирал профессию в строгом смысле слова, а шел туда, где есть спрос на рабочую силу и могут быть удовлетворены его потребности, не имеющие прямого отношения к содержанию работы по специальности. Для рабочего, выдвигающего в качестве основного мотива “обстоятельства” в прожективной ситуации, работа по профессии выступает прежде всего как средство существования» [4, с. 139, 141].

Так как же при этом — в этих обстоятельствах — достичь успеха (как бы он ни понимался)? Тоже вопрос непростой: «Что нужно сделать, я не знаю, [если] знал бы, то сделал» (Денис, 15).

Есть ответы, суть которых выражена наиболее полно в следующем высказывании: «На все воля божья. Без божьей воли не будет ничего. Конечно, надо стараться» (Светлана, 10).

Но по большей части путь к успеху мыслится через получение хорошей, надежной, стабильной, справедливо оплачиваемой работы. Того заветного, что вообще трудно и не всегда достается, а в условиях кризиса — тем более. Речь идет об удаче, за которой должно последовать все остальное, — конечно, хорошее, — что она может принести. Если она выпадает — человек готов ей послужить. Вот примеры: «Найти достойную работу, остальное всё будет идти само собой» (Вячеслав, 52); «Найти работу достойную, чтобы заработок был соответственный, завести семью» (Николай, 45); «Работай, и всё в жизни будет» (Александр, 12); «В принципе, надо всегда быть трудолюбивым. Даже если ты тупой, но видно, что человек трудится и хочет чего-то добиться, может быть, ему не хватает образования, но он пытается что-то делать. То есть, надо быть исполнительным и трудолюбивым» (Владимир, 41).

На каждое из этих высказываний ответная реакция — понимание и солидарность, каждое из них вызывает симпатию (включая то, про «Бентли»). Но вот встречаются такие, которые вызывают желание перечитать транскрипты (притом что высказывания весьма лаконичные) и вернуться к тому, что говорил первый мой персонаж — Илья.

«Планы нужно строить, решительность нужна, серьезность. Ставить цели и добиваться, достигать их» (Дамир, 46). «Цель поставить и добиться её. Ставить постоянно какие-то цели и так достигать следующую, следующую и так далее» (Алексей, 42). «Ставить цели и добиваться их» (Ильнар, 50).

Цели разные; нередко, надо отметить, связаны с получением более высокого уровня образования; но притом — не обязательно для карьерного продвижения. За формулировками — результаты наблюдений и раздумий, в конечном счете, обращенные на себя. Ильдар (32): «Любому человеку нужно высшее образование, так как деградация мозга человека налицо. Здесь на заводе уровень образования низкий, а поскольку бытие определяет сознание, сводится всё к тому, что стала речь менее связанная, слов-паразитов стало очень много. Примеров можно привести очень много, но, в общем, деградация продолжается и в умах, и в теле. [Интервьюер: “Какое образование вы хотели бы дать своим будущим детям?”] Даже не знаю. Не вижу никакого толка ни в каком образовании [для карьеры]. Пока не вижу никакого образования, которое было бы востребовано на сто процентов. Им нужно обучаться не для того, чтобы было образование, а чтобы у них был мозг развит. Человек с высшим образованием отличается от человека с низким образованием».

Даже если цели еще не вполне ясны респонденту, а только формируются, если горизонт планирования невелик или намерения относительно ближайшего будущего весьма скромны — феномен

планирования, целеустремленности, поскольку он присутствует у молодого человека, делает его особенным среди сверстников и коллег. Более других конкретна и выразилась близко к тому, что сказал Илья, девушка двадцати двух лет в цехе Казанского филиала Конструкторского бюро ОАО «Туполев»: «Надо знать, чего ты хочешь, к чему-то стремиться. А если ты будешь просто жить, то у тебя вообще ничего не получится» (Елена, 44).

Пожалуй (конечно, предоставляю читателю самому судить, но надеюсь, что он согласится со мной), есть среди приведенных здесь суждений такие, смысл которых подсказывает: может быть, Илья несправедлив по отношению к тем, кого он видит рядом с собой в транспорте и на улице. По крайней мере, не вполне справедлив; или не ко всем.

Да, немало таких, которые «много делают потому, что надо, а не потому, что хотят». (Впрочем, Илья и сам — пока — таков, он осознает это, он пока именно в такой ситуации; позднее о нем будет сказано более подробно). Но на самом деле (и материалы исследования дают основания это предположить) есть и такие, которые, как Илья, поняли: «это не столько кому-то надо, а это мне надо, это моя жизнь». О частоте этого явления мы, опираясь на материалы качественного исследования, судить не можем, но то, что оно имеет место — ясно и по сказанному Ильей, и не только им.

Алексей Максимович, ведь Вы — автор романа о рабочих, он был в обязательной программе советской школы, Ваш роман «Мать»! Вот — современные наши рабочие. Вот они — пусть некоторые из них — задумались «не о том, как удобнее жить, а о том — зачем жить». Совершенно случайно мы вышли на одного; и еще несколько из тех, с кем разговаривали, к нему близки. Есть основания думать: если целенаправленно поискать — увидим многих. Помните, Вы в том письме добавили: «Таковых людей народится неисчислимо более того числа, кое ныне существует на земле» [6, с. 135].

Начинается со стремления стать самостоятельным, решить материальные проблемы — «чтобы не быть никому обязанным» («семья довольна, сыта», «обеспечить своего ребенка», «зарплата нормальная и семья есть»); а потом — то, о чем Вы и написали: «Думается мне, что уже и теперь у людей возникает, зарождается новый инстинкт — “инстинкт познания”. <...> Жили мы — и живем до сего дня инстинктом голода, откуда истекло все, именуемое цивилизацией, инстинктом любви, создавшим все, что мы зовем культурой,

и вот находимся накануне возникновения третьего инстинкта, который неизбежно должен возникнуть на почве всех наших трагических разочарований» [6, с. 135].

Именно так: «наших трагических разочарований». Написано еще в 1926 году.

Пришло время рассказать о моем главном персонаже более подробно.

Первые пять или шесть классов Илье нравилось учиться, потом победило безразличие, стал прогуливать уроки. После 9-го класса ушел из школы «в целях экономии времени», чтобы «быстрее окончить учебу в техникуме и поступить в институт». Отчим и мать (они тогда работали на АЗС; мама закончила колледж по специальности товаровед, у отчима — средне-техническое образование) советовали, в соответствии с духом времени (год был 2002-й), учиться на бухгалтера, либо экономиста, либо юриста. Поступил Илья («как многие, по знакомству») в железнодорожный техникум. Пробыл там год и перевелся в гидрометеорологический. Из железнодорожного ушел потому, что на факультете бухучета, где он должен был заниматься, преподавала родственница, и она каждый день звонила и спрашивала, почему он прогулял занятия. А ему хотелось не учиться, а «гулять и гулять». Словом, надо было уйти от контроля. Гидрометеорологический выбрал из-за романтики: «помнил какие-то старые фильмы и хотелось тоже поездить по экспедициям».

До экспедиций, однако, дело не дошло, хотя диплом техника-метеоролога через три года вручили. К этому времени Илья работал, еще на 4 курсе он сделался охранником в коммерческой типографии. У него уже была семья, появился ребенок, и на зарплату, которую Илья получал бы на метеорологической станции, он бы не смог их прокормить. Можно было бы получать на вечернем высшее образование, но не понравилось, что филиал, что надо платить... Охранник вскоре сделался учеником полиграфиста, а потом и стал работать самостоятельно, как квалифицированный специалист — получил сразу пятый разряд. Зарплата росла, но цены росли быстрее. Илья нашел другую фирму, где ему «пообещали золотые горы». Но только начал там работать — начался и кризис. Реклама стала исчезать, следом за этим полиграфическое производство упало, и не стало работы. Отпускать Илью не хотели, предложили быть по совместительству грузчиком, другие обязанности выполнять; он отказался. Подыскал себе иную работу — сборщиком в фирме по производству жалюзи. Там все было «довольно примитивно и понятно». Потом его пригласили (друг позвонил) в новую, только что открывшуюся типографию. Зарплата устраивала (это было важно, так как к этому времени появился

второй ребенок), но потом ее стали задерживать (и должны до сих пор). Так Илья оказался в другой полиграфической фирме, работал, пока и там не начались перебои в оплате. Илья отправился в службу занятости. После поисков в разных направлениях стал термоотделочником в фирме по производству одежды. Таков на сегодня итог его поисков своего места в жизни: рабочий с дипломом о среднем специальном (не понадобившемся ему) образовании, успевший переменить к 23 годам несколько профессий и мест приложения своих усилий, озабоченный тем, как обеспечить семью, — при неопределённости замыслов относительно работы (в нем самом) и условий (вовне), вынуждающих соглашаться с требованиями обстоятельств и принимать вынужденные решения.

На вопросы интервьюера: «Если бы вы начинали сначала, то какой бы путь выбрали? Поступили бы вы в этот метеорологический техникум?» — Илья отвечает: «Да. Если бы не поступил, то не встретил бы свою жену, и у меня бы не было моих детей». И добавляет: «Надо было бы всё повторить, но более осознанно».

Итак, первым из цитируемых (притом чаще других) оказался у меня не сталевар или токарь (излюбленные персонажи в советское время), а рабочий легкой промышленности; пожалуй, это совсем не плохо: пусть (хоть как-то косвенно) отражает вольный или невольный поворот народного хозяйства к народу. Новой специальностью Илья овладел за полтора месяца. Однако «это вынужденная работа, чтобы где-то работать». Чем хотел бы заниматься? Есть идеальные варианты, практически маловероятные (дизайнер, в частности, — к этому есть склонности). Заработка — при том, что Илья работает и сверхурочно — перестает, в условиях роста цен, хватать. И все же, когда интервьюер спрашивает, удовлетворен ли Илья свои сегодняшним положением, он отвечает: «Удовлетворен». И поясняет (пояснение чрезвычайно важное): «Не у всех сверстников есть работа и он никому ничего не должен». Об успехе говорит: «Я не чувствовал бы себя успешным, если бы я был один. А успех, по моему мнению, это если в коллективе поставлена цель и она выполнена, то это успех. (Об одном из прежних своих мест работы: «...мне хватало на жизнь. Но мне были важны человеческие отношения. <...> Там были рабочие, но не было коллектива. Были сами по себе».) А так я жизнью доволен, у меня есть дети, а это будущие помощники».

Главное же, к чему он пришел, содержится в его высказывании, приведенном в самом начале статьи. Оно характеризует то, к чему Илья пришел в своем само-осознании, в осмысливании действительности и своего пути в ней. А ведь «тоже когда-то был человеком,

который ничего не понимал». О том, что было в его прошлом решающим — внешние обстоятельства или его собственный выбор, — интервьюер не стал спрашивать Илью, и так ясно. Но вот, наверное, на сегодня наиболее важный результат его жизненного пути. Его пути от «инстинкта голода» к «инстинкту познания». Думается, результат более существенный, чем диплом техника, овладение несколькими профессиями и даже нынешняя занятость. Только семья, которой Илья так дорожит, превосходит это по значимости («инстинкт любви»?). Впрочем, семья есть у большего числа людей, чем уровень самосознания, позволяющий осмысливать себя и окружающее.

Одна из наших сильно проявляющихся традиций — политизированность; один из наших основных подходов к анализу происходящего с нами и вокруг — поиск антагонизма. Словосочетание «пробуждение политического сознания» живо, устойчиво и в ходу, всем понятно. А вот пробуждение самосознания человека как самостоятельной личности, становление понимания, что человек может и должен сам выстраивать свою жизнь, искать и находить свое собственное предназначение, планировать свою траекторию в этом мире (профессиональную, образовательную и не только), самостоятельно распоряжаться своей судьбой, — это до сих пор зачастую остается в тени. Стесняемся? Вроде бы прошло время, когда насаждался коллективизм в его элементарнейшем понимании, вроде бы понятно, зачем напрямую (как это делалось прежде) или косвенно и помягче (как стали делать позднее) принимаются утверждать, что люди должны всегда и во всем подчиняться некоей единой воле (притом понятно, чьей). Ан нет, крепко это засело в умах. Да еще и продолжают примитивные заявления о том, что индивидуализм (в примитивном же понимании и, конечно, насаждаемый зарубежными врагами) противоречит нашей природе и подрывает основы нашей культуры и — страшно подумать — безопасности. Словом, стадность как ценность. Словно человек должен стыдиться своей самостоятельности. Не должен на основании собственных умозаключений говорить твердое «да» или «нет». Не может судить себя, свои поступки, свою биографию собственным судом. Но разве не в этом важное достоинство нашей гордости — отечественной литературы, разве не таково одно из важнейших достижений мировой философской мысли, от древности до современности?

И вот что существенно. Как сейчас будет ясно (из того же монолога того же Ильи), становление осознания себя как самостоятельной личности не противоречит (как полагают упертые сторонники стадности) пониманию ответственности за других, за происходящее вокруг, за страну, а способствует ему.

Илья выговорился не сразу. «Этим желанием своим я хотел бы поделиться со многими, с молодежью, — продолжил он (хотя самому 23 года). — Потому что если мы не построим наше будущее сами, то его кто-то другой будет строить за счет нас». И вспомнил пушкинское «К Чаадаеву», то самое: «Пока свободою горим, пока сердца для чести живы, мой друг, отчизне посвятим души прекрасные порывы!» — Это стихотворение, — продолжил Илья, — должно учить молодежь, что не главное заработать и спустить все свои деньги, надо быть нужным для страны. Это наша страна, и надо работать в сфере созидания».

Да, подумал я, воспроизводя эти слова (и пожалуй, угадаю сейчас мысли читателя), речь далеко не литературная, а высказывания порой выглядят наивными. А вспомните-ка (те, кто помнит), с каким вычурным косноязычием выражались псевдорбочие в советских романах и фильмах! И ведь тем персонажам (точнее, авторам) не снилась искренность, с которой говорил Илья.

Итак, вот главное достижение, которого добился Илья. Именно добился, потому что оно требует умственной работы, напряжения, самоотдачи, а не приходит вдруг или «по щучьему веленью»; это результат не озарения, а внутреннего труда (самого тяжелого, требующего от исполнителя высокой и специфической квалификации; а также изощенного).

Однако достижение это не облегчит судьбу моего персонажа (к счастью, следует подчеркнуть, не вымышленного, а реально существующего) и других, близких к нему. Напротив, им станет много труднее: нельзя уже будет жить по инерции, принимать обстоятельства жизни такими, какими их предлагают, соглашаться на данное, доверять чужим решениям. Недаром Горький в том письме — если привести его полностью, а не как цитату из «буревестника» — выражается следующим образом: «Мне кажется, что даже не через сто лет, а гораздо скорей жизнь будет несравнимо трагичнее той, коя терзает нас теперь. Она будет трагичней потому, что — как всегда это бывает вслед за катастрофами социальными — люди, уставшие от оскорбительных толчков извне, обязаны и принуждены будут взглянуть в свой внутренний мир, задуматься — еще раз — о цели и смысле бытия» [6, с. 134–135]. Так что, читатель, если вы хотите поздравить Илью, то и посочувствуйте ему, и пожелайте ему удачи (а также — не сломать себе шею).

Что, собственно, произошло после того, как я прочел интервью с Ильей? Человек, которого я никогда не видел, стал для меня, по

существу, значимой личностью. Стоило только начать размышлять о нем — и пришлось задуматься о многом. Выходит, кроме нашего обычного «Благодарим за участие в исследовании», можно было бы порой написать или сказать и нечто большее.

В заключение — еще об одном уроке нашего проекта.

Результатом социологического исследования, как известно, являются как знание, так и знание о незнании. Осмысления важности последнего особенно часто недостает. Вспомним: в многочисленных устных и печатных высказываниях по поводу событий на Манежной площади 11 декабря 2010 года реже всего говорилось о необходимости соответствующих исследований (не расследований!). Наш проект, материалы которого использованы в статье, еще раз подтвердил, как мало известно о современной нашей молодежи. И, остается надеяться, показал, как было бы полезно более пристально взглянуть в происходящее с ней.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бессокирная Г.П., Попова И.М.* Изменилась ли мотивация труда рабочих в 1990-е годы? (Методология изучения, результаты и перспективы исследований) // Мир России. 2005. № 4. С. 105–137. [Цит. по: Ирина Марковна Попова: Memoria / Сост.: М.Б. Куняевский, Е.В. Лисеенко, О.Р. Лычковская. Одесса: Астропринт, 2011.]
2. *Гимпельсон В.Е., Магун В.С.* В ожидании перемен (рабочие о ситуации на промышленных предприятиях) // Социологические исследования. 1990. № 1. С. 4–20.
3. *Гордон Л.А., Клопов Э.В.* Потери и обретения в России девяностых: Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. Т. 2: Меняющаяся жизнь в меняющейся стране: занятость, заработки, потребление. М.: Эдиториал УРСС. 2001.
4. *Здравомыслов А.Г., Ядов В.А.* Человек и его работа в СССР и после. М.: Аспект Пресс, 2003.
5. *Константиновский Д.Л.* Динамика неравенства: российская молодежь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му). М.: Эдиториал УРСС, 1999.
6. Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
7. *Магун В.С.* Российские трудовые ценности в сравнительной перспективе // Социологические чтения. Вып. 2. М.: Институт социологии РАН, 1997.
8. *Окольская Л.А.* От школы к фабрике (Пол Уиллис. Приобщение к трудовой культуре: как дети рабочих становятся рабочими). Археорецензия // Отечественные записки. 2006. № 3 (30). С. 160–166.
9. *Талев Н.С.* Черный лебедь: под знаком непредсказуемости. М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2010.

10. Темницкий А.Л. Факторы привлекательности занятости современной российской молодежи на промышленных предприятиях // Современный менеджмент. Проблемы, гипотезы, исследования. М.: Издат. дом ГУ–ВШЭ, 2009. С. 371–385.
11. Hughes E.C. Work and Self // E.C. Hughes. The sociological eye: Selected papers. London: New Brunswick, 1971.
12. Willis P.E. Learning to labour: How working class kids get working class jobs. Farnborough, England: Saxon House, 1977.